

ТЕАТР И ГОРОД

Шестого сентября с. г. «Советская культура» напечатала статью Ю. Смелкова «Почему уходят режиссеры?» — о том, как покинул Иркутск Изяслав Борисов, бывший главный режиссер Иркутского областного драматического театра имени Н. П. Охлопкова. Заканчивая ее, автор сказал, что «урок на тему о том, что такое режиссер и как к нему надо относиться», мог бы дать главный режиссер Иркутского тюза Вячеслав Кокорин, который «за сравнительно короткое время сделал свой театр лучшим в городе и известным далеко за его пределами». Но в тот день, когда вышла газета, и В. Кокорин тоже в Иркутске уже не работал.

Соб. корресп.

ных руководителей культуры всех рангов, но никого не возманивало, не вызвало последний. Ведь ниже дозволенного на фестивале урочная работа не опустилась, ну а смотр хозяйственно-административной деятельности театров не проводился сроду. А, наверное, зря. В Иркутском тюзе положение этих дел катастрофическое.

Вера Михайловна Сулименко, возглавляющая дирекцию последние годы, прошла долгий путь от девочки из сферы обслуживания до завлита, потом — директора. Окончила два вуза — иркутский и московский.

И все-таки странно, что начальники из управления культуры назначали на административно-хозяйственную должность завлита, да еще такого, с которым главный режиссер не ладит. Вот и получились взрывоопасная смесь, дежурящая всякий раз при решении конфликтных вопросов.

Существующий в верхушке театра раскол давал трещины по всему зданию. И в прямом, и в переносном смысле. Все не признанные главными, им обиженные (иногда и вполне несправедливо) тут же склоняли головы к директорскому плечу. Вместо того чтобы открыто высказать отношения, организовывали заговоры, молчаливое сопротивление. Но все это выплеснулось наружу именно в моменты, для судьбы театра значимые, влияющие на его

ПОСЛЕДНИЙ ДЕМАРШ

Историю можно изложить кратко. Приехал в Иркутск Вячеслав Кокорин, тогда еще молодой. Поставил в областном драматическом для спектакля, которые выполняли и занятых в них актеров, и зрителей. А тут как раз «без головы» оказался местный тюз. Кокорину предложили стать в нем главным, и он согласился. А вот теперь, шесть лет спустя, отказавшись от прежней должности, написал заявление об уходе и уехал. Обычный случай. Так принято считать, и так считают многие в Иркутске.

А случай все-таки из ряда вон. Потому что ушел режиссер, составивший театру славу и известность. Потому что вслед за ним покинули Иркутский тюз уже десять молодых актеров, и столько же членов труппы подыскивают место работы. Причем не вместе с Кокориным они ушли, как это обыкновенно бывает, если лидер меняет город с видами на другую конкретную сцену. Нет, Кокорин и большая часть коллектива просто бегут из города. И побег этот — своего рода вызов, протест.

Против чего? Зачем? Что приобретает каждый из них на новом витке жизни?

А для Иркутска они сделали все, что могли. Этот вызывающий демарш — последнее. В Иркутском тюзе наступил момент, когда продолжать жить по-старому означало предать идею театра развивающегося, того, к какому стремились, преодолевая трудности роста. Выросли — и уперлись в стену, которую или ломать, открывая путь дальше, или «умирать», согнувшись, стоя на месте. Ломать пробовали. Собственно, последние годы и были жизнью на слом — себя или образовавшейся стены.

А внешне театр существовал благополучно. Его премьеры проходили шумно, заметно.

В Иркутск зачастили критики «из центра», деятели сцены из разных городов страны, из-за рубежа. Коллектив приглашали на фестивали и смотры, присвоили ему имя преемственного зейляка Александра Вампилова.

Искусство оценивают по достигнутому результату. Интерес к подробностям творческой кухни — непрофессиональное, недостойное любительство. Как получится спектакль — пусть останется загадкой, чудом.

Но когда все рушится, разлетается в прах, приходится задуматься о закулисных «чуждах», анализировать. И вот уже оказывается, что вовсе не благодаря обстоятельствам, а вопреки им рождался и жил театр.

Коллектив, привезший в прошлом году в столицу интересные, живые работы, сам прибыл сюда уже едва живым — от диллнских чут ли не весь сезон изматывающих гастролей. (Здание его стояло в эти дни без крыши). Артисты с трудом скрывали на сцене смертельную усталость. Да, их наградили грамотами, отметили приказе Министерства культуры РСФСР. А им бы путевки на полноценный отдых, да сочувственное внимание к быту и условиям труда, да материальную помощь.

Знаю, скажут: не принято, да никто так и не ставил вопрос. Оттого и не ставили, что не принято. Замкнутый круг. Отстояв свое право на тайну, на чудо, театр оказался в одиночестве перед лицом тяжелых внутренних проблем.

В том же году на фестивале во Владивостоке ни один коллектив не показал такой хозяйственной и организационной беспомощности, как Иркутский тюз. И с оплатой гостиницы, и с доставкой декораций здесь была такая неразбериха, что фестивальныи показ едва не был сорван.

Все это случилось на глазах многочислен-

дальнейшую жизнь. Один из конфликтов вспыхнул, когда пришло приглашение на фестиваль в Финляндию. Поднялся скандал, оскорбили и унизили друг друга, не поехали. Почти то же самое произошло перед гастролями в Москве. Тут уж партийное бюро диктовало: Кокорина нельзя пускать, он не имеет права. И райком партии, представьте, такую позицию поддерживал. Только амальгату нового тогда начальника областного управления культуры В. Китаева погасило конфликт. Но как это было трудно и скольких нервов стоило!

С молодым, энергичным, желающим по все выныкнуть, во всем разобрататься Китаевым творческие работники области связывают большие надежды. Впервые за много лет управление пытается брать ответственность на себя, принимать решения. Но пока не наработан опыт, не достигнут должный уровень компетенции, не налажены отношения с творческими союзами, надежды только надеждами и остаются.

Сегодня в управлении говорят, что, подписывая заявления Кокорина об уходе, шли ему на встречу, что пытались удержать его всеми способами и не выполняли только одно условие бывшего главного режиссера: отказались сменить в театре директора, «поскольку достаточных оснований для этого не было».

На общем собрании перед летним отпуском в труппе во второй уже раз прошли выборы главного режиссера. За Кокорина проголосовало абсолютное большинство. Сулименко признала поражение и выразила желание уйти из театра добровольно. А представители вышестоящих инстанций заверили людей: окончательное решение не будет принято без обсуждения в коллективе. Но после отпуска артисты узнали, что все уже решено и Кокорина в городе нет.

В стороне от конфликта осталось и местное отделение Союза театральных деятелей. Здесь тоже все было в отпуске, собрать правление не представлялось возможным, а личной инициативы принять участие в решении вопроса или хотя бы отсрочить его никто не проявил.

...Пятнадцатого ноября Иркутский тюз должен открыть новый сезон. Обстановка здесь нервная, многие на чemoданах, а те, кто остался, опять не единодушны. Небольшая группа прежних обиженных празднует победу. Те, кто относился к Кокорину критично, но трезво, сегодняшнюю ситуацию считают экспериментальной, но пытаются искать равновесие, работать.

А в это же время год назад в Иркутском тюзе шли последние репетиции спектакля «На дне». И три режиссера — Бычков, Емельянов, Кокорин, из которых ни один не был подмастерьем, следили из зала за тем, что происходит на сцене.

И когда действие по сигналу постановщика Н. Емельянова останавливалось, все трое вставали на подмостки и начинали объяснять, доказывать что-то актерам. И удивляло, что ни один на этой сцене другому не мешал.

Сегодня уже и этот вдохновенный момент толкуют по-разному, видят в нем каждый свое. Но все теперь понимают: был театр, а сейчас его нет. Еще шаг — и будет понятна еще одна очевидная истина: театр создают режиссеры.

Вот только почему доказывать это каждый раз приходится таким чудовищным способом?

О. БАТАЛИНА.

ИРКУТСК.